

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ТОЛЬКО ОДНА РЕПЕТИЦИЯ...

Мне бы хотелось рассказать о работе Образцовой еще над одним вокальным циклом — циклом М. П. Мусоргского «Без солнца» на стихи поэта А. А. Голенищева-Кутузова. О работе, которая была не похожа на то, что мне уже доводилось видеть и к чему я отчасти привыкла.

Сезон в театре еще не начинался, но Образцова и Важа* прервали отпуск и работали в обычном для себя темпе.

Она начинала урок с Любавы из «Садко», детски похваставшись: «Я ее учила ночью и, кажется, выучила. Думаю, ты будешь мною доволен. — И когда Важа действительно не сделал ни одного замечания, спросила: — Умница Образцова, правда?».

На что он ответил:

— Да, для первого раза неплохо.

Потом она пела Маддалену из «Риголетто».

— Вот моя радость! — сказала она.

Затем она бралась за Розину.

— Розина очень активна и нежна, — говорил Важа. Он играл пассаж из «Севильского цирюльника». — Вот весь ее характер! Но имейте в виду, она может взять себя в руки и все не сказать. Она улыбается, но за этой улыбкой прячется чертик.

Он подпевал за графа Альмавиву. Дуэт был смешной, потому что голоса у него не было никакого. Когда он кричал: «Опоздали!» — она отвечала: «Это я заслушалась, как ты поешь».

Она радовалась, что ей удаются труднейшие каденции. Говорила, что даже видит их во сне и смеется — такие они смешные. А главное, она понимала, что сможет спеть Розину.

Цикл «Без солнца» она оставила напоследок.

И сразу все меркло. Лицо ее серело, гасло. После сияния ее Розины это казалось неправдоподобным!

Спев шесть романсов «Без солнца», она испытывала такое опустошение и слабость, что с трудом могла подняться с кресла. Ни профессионального расчета, ни разумной экономии сил, ни игры, ни перевоплощения. Ни разучивания музыки в буквальном смысле слова.

Проживание дотла — вот что такое это было!

И где? На уроке!

И так продолжалось, наверное, недели две...

— Когда кончается музыка, я испытываю нервное потрясение, — сказала она. — Каждый раз и каждый день! Иногда я думаю: почему я так изнурена? Ведь я еще в отпуске!.. Потому что я учу «Без солнца». Скорбная, беспримесная музыка. В ней нет никакой надежды, это конец жизни. И я не хочу сейчас анализировать, думать, вникать в смысл каждой вещи. Я даю этой глыбе на себя навалиться, вызвать удушье. Хочу вот этим удушьем понять Мусоргского, его состояние, когда он писал «Без солнца».

Важа тоже вел себя не совсем обычно. Не говорил о сверхзадаче, сквозном действии и втором плане. Он милосердно не смотрел в сторону Образцовой, расточившей себя в горестном перевоплощении. Играл Мусоргского мужественно, благородно, сурово и страстно.

Лишь раз он заметил, что «Без солнца» скорее цикл монологов, интимных, трагических. Романсами их все-таки назвать трудно.

Однажды в конце урока я спросила, почему она взялась за этот «жуткий», по слову Асафьева, цикл, который обычно поют мужчины, басы — Христов, Нестеренко. Взялась она, женщина, певица, которая так счастливо выражает себя в искусстве, она, у которой есть молодость, талант, красота, силы.

И снова, как когда-то, она посмотрела на меня, как взрослая на маленькую.

— Я много пою Мусоргского. «Песни и пляски смерти», «Светик Саввишна», «Гопак», «Пот над Доном сад цветет»... Уж не говорю о Марине в «Борисе Годунове» и Марфе в «Хованщине». А «Без солнца» спеть хотела давно. Но не хватало драматического опыта жизни. А как стукнуло сорок лет, поняла: пора! Знаешь, я прожила столько жизней, что иногда мне кажется, что уже не страшно умереть.

* Важа Чачава, заслуженный артист Грузинской ССР, постоянный пианист-концертмейстер певицы.

Книга Рены Шейко «Елена Образцова», которая готовится к выпуску в издательстве «Искусство», имеет подзаголовок «Записки в пути. Диалоги». Он точно определяет своеобразный жанр повествования, его интонацию — доверительную и откровенную. Читатель узнает о творческой судьбе певицы, о ролях, созданных ею на сцене Большого театра и других прославленных театров мира, о сотворчестве с крупнейшими музыкантами современности. Большое место в книге занимает рассказ о репетициях Елены Образцовой — вечном ученичестве мастера, о сложной, тонкой и глубокой работе над музыкальными произведениями. На одну из таких репетиций мы приглашаем вас.

— Ну что ты такое говоришь!

— Правда! А с другой стороны, я стала суеверной. Во второй половине жизни важен не успех, а успеть, писала Марина Цветаева. Успеть! Для меня это тоже очень важно. Слушая ее, я думала, до чего же неисповедимы у художника зовы, веления к работе!

И вот более чем в ста августах от того августа 1874 года, когда Мусоргский закончил свой цикл, — утро, комната. Важа, за роялем, Образцова рядом в кресле. Они учат «Без солнца». Пленка моего магнитофона приоткрыта, сохранила течение их работы.

Чачава. Елена Васильевна, сегодня начнем повторять цикл с конца. Так легче собрать форму в целое. Легче увидеть перспективу. Даже один маленький пассаж периодически рекомендуют так учить, а тем более такой крупный цикл — шесть частей! А то исполнителю может показаться, что частей так много и он идет, идет и в этой большой форме тонет...

Образцова (поет). «Месяц задумчивый, звезды далекие синего неба водами любят...»

Чачава. Должен вам сказать еще одну вещь. Вы сегодня очень хорошо связали интервалы, и пиано сделали, и все, что нужно. (Страстно). Но из-за того, что вы боитесь опоздать, вы снимаете звук без дыхания. Ни в коем случае! Вы поете: «Синего неба». Это «ба» выбрасываете! Не бойтесь, я не пойду без вас! Снимать звук на дыхании надо спокойно, не торопясь. Еще раз!

Образцова (поет). «Месяц задумчивый, звезды далекие синего неба водами любят...»

Чачава. Елена Васильевна, в ближайшие дни мы с вами займемся орфоэпией в пении. И в первую очередь редуцированием гласных. Вы поете: «Месяц задумчивый...» А смотрите, что делал Мусоргский, чтобы сохранить природу слова!

Образцова. Он об этом не думал.

Чачава. Вы прочтите письма Мусоргского, еще как он думал об этом! Вы прочтите письма Верди, как он думал об этом! Образцова. Верди думал, правда.

Чачава. Позвольте! А что такое итальянский язык по сравнению с русским? Подумайте, две гласные надо вместе произносить! А Мусоргский очень сильно думал об этом. Он, как никто, чувствовал слово, его выразительные возможности. И чтобы сохранить природу слова, ударный слог делал длиннее. Поэтому: «заду-у-мчивый» — три «у»! А не «задумчивый-и-и-и-и-и» — три «и», как у вас. Между прочим, Глинка и Чайковский так не делали. Почему «кучисты» так нападали на Чайковского? Потому что он это игнорировал. У него своя правда была! Так что имейте в виду: «заду-у-мчивый» — три «у»!

Образцова. Будешь на меня с утра так рычать, я не выдержу!

Чачава. Вы обязаны спеть правильно. И я должен быть

активен. А если меня сковывать, я вяну. Как роза от мороза.

Образцова (поет). «Месяц заду-у-мчивый, звезды далекие синего неба водами любят...»

Чачава. Опоздали!

Образцова (поет). «Месяц заду-у-мчивый, звезды далекие синего неба водами любят...»

Через полчаса они наконец остаются дообывать этой фразой. Пятый монолог цикла.

Образцова (поет). «В тумане дремлет ночь. Безмолвная звезда сквозь дымку облаков мерцает...»

Чачава. Вы поете: «Безмолвная звезда», а надо «безмолвная»! Повторяете ту же ошибку. Сейчас же отметьте себе, длинный слог — ударный!

Образцова. Какая музыка! Одна из самых сложных музык, что я пела в жизни! И по психологическому напряжению, и по голосу. К этой музыке надо приходиться, умея очень хорошо петь. Научиться пению на ней нельзя. (Поет). «Как ночи облака, изменчивые думы несутся надо мной, тревожны и угрюмы; в них отблески надежд, когда-то дорогих, давно потерянных, давно уж неживых. В них сожаления и слезы. Несутся думы те без цели и конца; то превращаясь в черты любимого лица, зовут, рождая вновь в душе былые грезы...»

Чачава. Перед «Несутся думы те без цели и конца» — у вас целый такт. Вы должны психологически отойти от предыдущего настроения и продолжать более спокойно. И тут же темп снова меняется, потому что происходит другое душевное «микрособытие» — в фадиз кантабиле рисуется ее облик: «то превращаясь в черты любимого лица». Пожалуйста, вслушайтесь в мою мелодию, которая идет в ансамбле с вашей! Это ее музыкальный портрет!

Образцова (поет). «То слившись в черный мрак, полнейшей угрозы, грядущего борьбой путают робкий ум, и слышится вдали нестройной жизни шум, толпы бездушной смех, вражды коварный ропот, житейской мелочи незаглушимый шепот, унылый смерти звон...»

Чачава. Елена Васильевна, а надо ли сразу после кантабиле делать такой угрожающий, большой звук: «То слившись в черный мрак»? Пожалуй, резко получается.

Она поет и соглашается с Важей: да, резко. Она меняет интонацию, окраску звука. В третий раз — в пределах одной вещи! И начинается романс.

Образцова (поет второй романс). «Меня ты в толпе не узнала, твой взгляд не сказал ничего. Но чудно и страшно мне стало, когда уловил я его. То было одно лишь мгновение; но, верь мне, я в нем перенес всей прошлой любви наслаждение, всю горечь забвения и слез!» Она его не узнала, потому что не захотела узнать. Он увидел холодные глаза, ему стало страшно.

Чачава. Это крик души, конеч-

но! Вошь! Обратите внимание, весь такт на одной фермате. Если мы чуть пошевелимся...

Образцова ...все пропадет, весь зал кашлять начнет!

Чачава. Елена Васильевна, а почему все люди должны понимать все! Знаете, что говорил по этому поводу Генрих Густавович Нейгауз? Представьте: в зале сидит Лист! И вы должны играть для него одного!

Образцова. Ты прав, Важино. (Поет первый монолог «Без солнца»). «Комнатка тесная, тихая, милая, тень непроглядная, тень безответная, дума глубокая, песня унылая, в бьющемся сердце надежда заветная, быстрый полет за мгновением мгновения, взор неподвижный на счастье далекое, много сомнения, много терпения — вот она, ночь моя, ночь одинокая».

Это, как в паутине, надо спеть, чтобы не порвалось...

Чачава. Согласитесь, если бы вы начали с первой пьесы, вы бы никогда так не спели, не прожили так эту драму. При этом в начале цикла только один аккорд. Поэтому так сложно и певице, и пианисту настроиться. Это надо делать в антракте. Внутренне все пройти за десять минут, чтобы уже жить в этом мраке, без солнца! И все же, Елена Васильевна, сколько там лучей! Это значительный человек, человек высокого предназначения прожил жизнь! Натюра глубокая, благородная, с достоинством сносящая свое страдание.

Образцова. Для меня «Без солнца» как подтекстовая музыка романов Достоевского.

Чачава. Елена Васильевна, на сегодня хватит. Я считаю, мы очень продвинулись.

Образцова (с горестными глазами). Да, Важа, мне ясен герой, ясно его состояние. Последний монолог — это живой мертвый человек. «В глубь ли зовет — без оглядки б я кинулся!». В эту реку он бы кинулся, ему все равно. Он пережил самого себя. Но я еще ищу интонации отдельных вещей, я еще не знаю, как петь «Скучай». Такая странная героиня! «Скучай! Ты создана для скуки. Без жгучих чувств отрады нет, как нет возврата без разлуки, как без боренья нет победы. Скучай! Скучай, словам любви внимая в тиши сердечной пустоты, приветом лживым отвечая на правду девственной мечты...»

И повторила:

— Странная героиня для Мусоргского. Ему нравились сильные, страстные натуры, умные, незаурядные. Вот Надежда Петровна Опочина, вероятно, была такой. Биографы Мусоргского считают, что она могла стать прообразом Марфы. А эта: «С рождения до могилы заранее путь начертан твой: по капле ты истрастишь силы, потом умрешь...». Странная!..

— Тебе такие женщины не близки?

— Нет. Ни в жизни, ни как сценические образы. Мне с ними через пять минут скучно. — И вдруг сказала шепотом, оберегая голос: — Устала я, не могу спать... Но эта усталость мне нужна. Нервная система так истончается, что начинаешь чувствовать какие-то неуловимые вещи, скрытые в повседневности. Когда я не могу спать по ночам, я живу в мире моей фантазии. Витают неясные мысли. А может быть, даже не мысли, а чувствования. Я не знаю, как про это рассказывать... Это как грезы и бодрствование. Мне там так комфортно. В мире каких-то теней, шорохов, воздыханий и очень-очень тонких чувств... И я очень много нахожу для себя там...

— Чего?

— Так я нашла интонацию, как петь романс Поляны из «Пиковой дамы» — «Подруги милые...». Она никак мне не давалась. Я пела экзальтированно, поэтому фальшиво. И я тихонько встала ночью, пошла в другую комнату, зажгла свечу, поставила на рояль. И тихо стала петь. И романс стекал, как воск со свечи, растепленный, растопленный... И никаких режиссеров мне было не нужно. А только — свеча и бессонница. Вот что это такое!..

В пьесе Ярослава Ивашкевича «Лето в Ноане» рассказано, что такое «художник», в чем «природа художника» — та полнота отдачи, когда нет уже ни дня, ни ночи, ни того, что мы называем «быть» или даже любовь. Он беспрерывно «там», где бы он ни был и что бы ни делал, порой даже возникает впечатление обреченности, нелегкая жизнь, не такая уж завидная жизнь художника, какой она многим представляется...

● Поэт Е. Образцова.

Фото А. Нагальяна.